

Заключительное слово

Я всегда выступаю с двойственных позиций. С одной стороны, я здесь работаю. С другой стороны, я иностранец и воспитан на работах своих английских коллег, а не российских ученых. Поэтому в какой-то мере я вижу то, чего, возможно, не видят другие. Хотелось бы высказать два соображения. Одно связано с отношениями между Россией и республиками бывшего Советского Союза: была ли Россия донором или эксплуататором этих государств? Когда Англия расставалась со своими колониями, вставали те же вопросы: кто в этой ситуации теряет, а кто приобретает? С точки зрения обмена между Англией и ее колониями, было ясно, что сами англичане от их наличия не выигрывали, в то время как элита, та небольшая группа, которой принадлежали богатства страны, использовала ситуацию в своих интересах. Когда мы выходим на сравнение концептуальных построений такого уровня, как нация, то получаем обобщенную картину, и часто неправильную. Здесь необходимо ставить вопрос иначе: кто в России был донором, а кто — эксплуататором? И кто был на обратной стороне донором, а кто — эксплуататором? Если жизнь в той или иной республике улучшалась в период существования Советского Союза в большей степени, чем в России, а это не нужно доказывать, то следует рассмотреть причины и следствия подобного положения. Так, если в Грузии начинались перебои со снабжением электроэнергией, первый секретарь республики мог позвонить в Москву и оперативно решить возникшую проблему. В таких условиях сам факт, что это была небольшая республика, мог дать перевес. По-моему, важно смотреть не на картину в целом, а попытаться понять, что за ней скрывается. Не следует также забывать о том, о чем в течение 70 лет говорили беспрестанно, а потом перестали говорить совершенно, — о классовом анализе. Классы не исчезли лишь потому, что развалилась определенная система в Советском Союзе.

Второе, о чем следует сказать. Я хочу напомнить коллегам, которые говорили про Чечню, о том, что сделал английский империализм, когда начались затруднения с колониями. Английский империализм убрался оттуда, передав власть на местах людям, которые попали во дворцы президентов прямо из британских тюрем. Так произошло после великих потрясений, когда Англия потеряла Индию, Африку, Австралию, когда появилось много новых независимых государств. В Англии люди стали жить лучше: и экономически, и социально. Политическая обстановка также стала более простой. Я не считаю, что не следует давать советы правительствам с ученых трибун, но я, как англичанин, не должен учить ваше Правительство. Однако я могу рассказать о том, как решались аналогичные проблемы в других странах. Это в какой-то мере помогает разобраться в своих проблемах. Есть умный империализм и глупый империализм. Я думаю, что он должен быть умным.

Теперь последнее, о чем я хотел бы сказать. Это взгляд со стороны, который я принял как возможный подход к тому, что происходило на нашем симпозиуме. Я думаю, что выступающих можно разделить на две категории. Одни делали упор на углубленное познание России, того, какой она была и какой стала. Сравнивая их позицию с выступлениями на прошлогоднем симпозиуме, можно сделать вывод: русские ученые продвинулись в своих исследованиях общества. Многие выступления давали ответы на вопросы, на которые мы не сумели бы ответить год назад. Пустота начинает заполняться. Я считаю, что началось возрождение русской науки после довольно трудного периода. Несколько лет назад, когда я задавал аналогичные вопросы, ответ был: "Бог его знает".

Но были и другие выступающие, которые вели здесь бесконечный спор русской интеллигенции с Правительством. Они пытались давать советы, которые Правительство не слушает. Это как разговор старика с иконой, когда старик обращается к иконе, а она не отвечает. Я понимаю эмоции людей, которые видят, что Правительство их страны ошибается, и им больно. Но, возвращаясь к сравнению между разными странами, хочу отметить следующее. Как вы думаете, сколько профессоров заседает в английском парламенте? Там 640 с чем-то депутатов, но среди них нет ни одного профессора. В прошлом парламенте был один профессор, и в будущем парламенте, думаю, будет или один, или ни одного. Ученые занимаются наукой, политики — политикой. Мне кажется, что главное — это хорошо работать на своем месте. Необходимо познавать и изучать Россию. А это возможно только тогда, когда мы оставим журналистам и политикам то, в чем они сильны, и будем более энергично заниматься тем, что входит в обязанности ученых. То есть не страдать, а собирать факты в эти тяжелые дни. Если попытаться оценить реформы в России, то будет сделан однозначный вывод: все они провалились. Решили сделать одно, а получилось совсем иное. В то же время нельзя не констатировать, что в стране произошли глубокие изменения. Мы же должны работать с тем, что есть. Надеюсь, что научная деятельность будет продолжаться, и на следующем симпозиуме мы узнаем об окружающей действительности еще больше.